

6. Уголовный процесс. Общая часть. Учебник для студентов вузов / Под ред. В. П. Божьева. М.: Изд-во «Спарк», 1997. С. 36.

7. Там же. С. 38.

8. Подборка материалов для занятий с российскими судьями. Программа правовых инициатив для стран Центральной и Восточной Европы Американской Ассоциации юристов. (Совместный проект по оказанию содействия российским правоохранительным ведомствам в борьбе с организованной и экономической преступностью). Washington: U. S. Department of Justice, 2000. С. 24–26.

Светлана Эльмаровна ВЕДМИДЬ —
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Института государства и права ТюмГУ

УДК 343.211

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблемам реализации уголовной ответственности. Поднимается вопрос о моменте возникновения ответственности, выявляется зависимость реализации ответственности от момента ее возникновения.

This author tackles the problems of criminal liability realization, considers the moment when the sense of responsibility enters the mind of the individual, and reveals the interdependence between criminal liability realization and the moment of its occurrence.

В науке уголовного права не выработано единого подхода к пониманию уголовной ответственности. Эта, на первый взгляд, чисто теоретическая проблема имеет прямое и непосредственное отношение к деятельности правоприменительных органов, занимающихся реализацией уголовной ответственности и освобождением от нее [1].

Между тем, при построении теоретической концепции уголовной ответственности важно не упускать из виду ее проявление на эмпирическом уровне, а именно то, в чем она проявляется по отношению к лицу, на которое возложена. Поэтому следует различать понятие уголовной ответственности и понятие ее реализации.

Само понятие реализации до настоящего времени не было разработано ни теорией уголовного права, ни, тем более, законодателем.

На наш взгляд, под реализацией уголовной ответственности следует понимать деятельность компетентных органов по применению к лицу, совершившему преступление, конкретных мер уголовной ответственности.

В уголовном праве вопрос о реализации уголовной ответственности тесно связан с вопросом о моменте ее возникновения. Большинство авторов придерживаются мнения, что уголовная ответственность возникает в момент совершения преступления. Как писал А. А. Пионтковский, для понимания уголовной ответственности важно правильно установить момент возникновения уголовно-правового отношения. Уголовная ответственность как определенная юридическая обязанность перед государством возникает с момента совершения преступления. При этом следует различать возникновение юридического факта и порождаемого им правоотношения, с одной стороны, и признание этого факта и соответствующего ему правоотношения компетентными органами власти, с другой стороны. С момента совершения преступления и возникает уголовное правоотношение, то есть особое

соотношение прав и обязанностей между государством и личностью преступника, определенное нормами материального уголовного права [2].

Аналогичную позицию занимает А. И. Санталов. Он считает, что уголовная ответственность, возникнув в момент совершения преступления, может реализоваться, а может остаться нереализованной. Реализуется же ответственность в форме осуждения и отбывания наказания (или без него) [3].

В. И. Курляндский также связывал момент наступления уголовной ответственности с моментом совершения преступления: «Уголовная ответственность (обязанность отвечать за содеянное) возникает в силу объективного факта — совершения преступления и не зависит от формальных моментов — привлечения лица к уголовной ответственности. Наоборот, привлечение виновного к уголовной ответственности (предъявление обвинения и т. д.) покоится на уже возникшей ранее обязанности лица держать ответ за совершенное преступление» [4].

Позже М. П. Карпушин и В. И. Курляндский писали: «С момента совершения преступления лицо, виновное в его совершении становится преступником. С этого момента возникает уголовно-правовое отношение. С этого момента начинают течь сроки давности, к виновному применяется уголовный закон. Виновное лицо обязано в установленном законом порядке дать отчет в содеянном, в том числе подвергнуться правоограничениям, быть осужденным и понести наказание. Обязанность понести последствия возникает в силу факта совершения преступления. Эта обязанность может быть не реализована вовсе, если преступление не было раскрыто либо преступник не был установлен. Обязанность понести последствия не снимается в течение сроков давности, но она не реализуется» [5].

Следует отметить, что указанные авторы признают формой реализации уголовной ответственности процессуальные правоограничения в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку «с момента привлечения лица в качестве обвиняемого для него уже реально существуют отрицательные последствия, лицо начинает отвечать за содеянное» [6].

Н. М. Белов также относит процессуальные ограничения к форме реализации уголовной ответственности. Однако он полагает, что уголовная ответственность начинается с момента возбуждения уголовного дела [7].

Против такого подхода возражал А. Н. Тарбагаев. Он писал: «Следует со всей решительностью возразить и против концепции так называемой досудебной уголовной ответственности, и против признания мер процессуального пресечения мерами уголовно-правовой ответственности. Меры процессуального пресечения применяются к лицу, чья вина еще не установлена судом, при этом нельзя исключать и возможность того, что в результате судебного разбирательства может быть вынесен оправдательный приговор. Такая мера пресечения, как заключение под стражу, является настолько суровой, что засчитывается при назначении наказания. Однако суровость эта еще не дает оснований считать ее мерой уголовной ответственности. К лицу, обвиняемому в совершении преступления, по закону могут быть применены и более суровые меры, не являющиеся ответственностью, вплоть до причинения смерти при задержании преступника» [8].

Действительно, основным аргументом в пользу данного подхода является то, что время такой меры пресечения, как заключение под стражу, засчитывается в срок наказания. Но меры пресечения применяются не как отрицательное последствие за совершенное преступление, а как средство обеспечения установления истины по делу. Кроме того, мера пресечения может применяться и к подозреваемому, который не является субъектом уголовной ответственности.

Таким образом, признавая формой реализации уголовной ответственности процессуальные правоограничения, авторы не обоснованно расширяют рамки ответ-

ственности. И хотя М. П. Карпушин и В. И. Курляндский утверждают, что уголовно-правовое отношение не исчезает и не трансформируется в уголовно-процессуальное, а движется, развивается, реализуется с помощью уголовно-процессуальных форм, все же в данном случае происходит смешение материальных и процессуальных отношений.

Другую точку зрения отстаивают И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин. Они полагают, что нельзя считать правонарушение юридическим фактом, служащим основанием возникновения охранительного правоотношения и обязанности правонарушителя отвечать за свое поведение. «Тогда пришлось бы признать, что ответственность существует и тогда, когда правонарушитель не установлен, когда он избегает применения к нему санкций и не претерпевает никаких лишений за свое противоправное поведение. Тогда пришлось бы признать, что с этого момента возникает и уголовно-правовое отношение, которое развивается только в определенных процессуальных формах» [9].

По мнению указанных авторов, ответственность возникает с момента установления факта правонарушения и установления лица, его совершившего, компетентными органами и реализуется в применении мер ответственности, каковыми являются установленные законом меры государственного принуждения.

Ю. М. Ткачевский также считает, что неправильно связывать момент возникновения уголовной ответственности с совершением преступления: «Допустим, обнаружен труп человека, но убийца неизвестен. Не известно и какой вид убийства имеет место. О какой уголовной ответственности может идти речь?... С момента совершения преступления возникает основание для уголовной ответственности, но таковая наступает только при установлении виновности лица» [10].

Здесь следует обратиться к статье 49 Конституции РФ, где сказано, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законодательством порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому, исходя из данной точки зрения, момент возникновения уголовной ответственности определяется приговором, вступившим в законную силу. Реализуется же ответственность в двух формах: осуждении без реального исполнения наказания и осуждении с реальным исполнением наказания.

Подобной точки зрения придерживался А. Н. Тарбагаев, который полагал, что позиция, признающая реальное существование уголовной ответственности до вынесения обвинительного приговора, противоречит действующему законодательству. В полном соответствии с законом возложение уголовной ответственности неотделимо от признания лица виновным в совершении преступления, которое закреплено в обвинительном приговоре суда. Более того, реализация уголовной ответственности целиком и полностью воплощается в признании деяния преступлением, а лица, его совершившего, — преступником [11].

Получается, что практически формой реализации ответственности А. Н. Тарбагаев считает осуждение преступника от имени государства в обвинительном приговоре, поскольку именно этим актом деяние признается преступлением, а лицо, его совершившее — преступником.

На наш взгляд, такое понимание момента возникновения уголовной ответственности сужает ее рамки. Обосновывая свою точку зрения, и А. Н. Тарбагаев, и Ю. М. Ткачевский опираются на презумпцию невиновности как основной аргумент в пользу того, что до момента вступления в силу обвинительного приговора нельзя считать лицо виновным в совершении преступления. Следовательно, невозможно четко установить, является ли данный гражданин субъектом отношения ответственности.

Действительно, поскольку вина входит в основание уголовной ответственности, то без установления вины не может и наступать уголовной ответственности для конкретного человека. То есть уголовная ответственность не может быть реализована. Однако ответственность как отношение может возникать гораздо раньше.

Если Ю. М. Ткачевский и А. Н. Тарбагаев связывают момент возникновения уголовной ответственности с моментом вынесения приговора, то И. С. Ретюнских считает, что приговор является формой ее реализации. «Представляется неверным мнение, что уголовная ответственность может реализовываться в наказании, его назначении и исполнении, условном осуждении, иных мерах уголовно-правового воздействия на осужденных и что все эти меры являются формами реализации уголовной ответственности. Уголовная ответственность реализуется уже в самом факте осуждения лица судом от имени государства. В этом случае уголовная ответственность обретает реальную форму существования независимо от того, назначается потом наказание или нет» [12].

Безусловно, осуждение лица от имени государства, выраженное в обвинительном приговоре, само по себе является негативным последствием для лица. В данном случае понижаются его социальный статус, самооценка и оценка его окружающими. Для гражданина, занимающего активную социальную позицию, уже только сам факт осуждения будет являться действительно негативным последствием, в котором реализуется уголовная ответственность.

Еще И. С. Ной писал, что в нашем уголовном законодательстве самому факту осуждения виновного в совершении преступления от имени государства придается большое значение. Оно выражается не только в том, что этот момент является специфическим элементом уголовной кары, но также и в том, что понятие уголовной ответственности как раз выражается в государственном осуждении в форме обвинительного приговора, вынесенного судом [13].

А. И. Бойцов также уделял внимание факту осуждения государством лица, совершившего преступление. Он полагал, что содержание ретроспективной ответственности составляют юридическая и социально-политическая оценка деяния как преступления, а также оценка лица, его совершившего, как преступника. Эти оценки образуют структуру государственного осуждения и наказания [14].

Очевидно, что если уголовная ответственность заключается в порицании, а порицание выражается в обвинительном приговоре, то, по мнению А. И. Бойцова, формой реализации уголовной ответственности будет обвинительный приговор.

Между тем, нельзя безоговорочно утверждать, что реализация уголовной ответственности исчерпывается вынесением приговора. В таком случае достаточно было бы ограничиться осуждением от имени государства и не применять какие-либо меры принуждения по отношению к преступнику. Очевидно, что в большинстве случаев этого недостаточно, следовательно, наряду с приговором необходимо и применение других мер, в частности, мер государственного принуждения. Кроме того, приговор — это не абстрактный акт правоприменения. В нем нет простого указания на то, что государство осуждает гражданина и порицает его поведение. В приговоре всегда содержится указание на то, в какой именно форме государство этого гражданина осуждает. Поэтому реализация уголовной ответственности только фактом вынесения приговора не исчерпывается.

Существует и такая позиция, которая связывает реализацию уголовной ответственности с исполнением наказания или других уголовно-правовых средств. Например, А. А. Пионтковский писал, что уголовная ответственность лица реализуется в отбытии им назначенного судом наказания [15].

То есть, фактически А. А. Пионтковский признавал наказание, а точнее, его отбытие формой реализации ответственности.

А. Н. Трухин же считает, что уголовная ответственность реализуется только тогда, когда назначенное наказание или другое уголовно-правовое средство фактически исполняются. Лицо может быть осуждено, наказано, но если оно уклонилось от отбывания наказания, то уголовная ответственность не наступает. Такое лицо не исполняет возложенную на него юридическую обязанность, вытекающую из уголовного закона и обвинительного приговора, не совершать новых преступлений и претерпеть лишения и ограничения прав и свобод, вытекающие из необходимости отбывания наказания или другого уголовно-правового средства [16].

При таком понимании происходит смешение понятий «уголовной ответственности» и «наказания». Кроме того, остается невыясненным вопрос: можно ли считать уголовной ответственностью условное отбытие наказания, либо отсрочку исполнения наказания? Ведь в этих случаях наказание фактически не исполняется. Кроме того, автор видит реализацию ответственности только в исполнении наказания (других средств), не уделяя внимания осуждению лица в приговоре. Нельзя согласиться с тем, что если назначенное наказание фактически не отбыто, то уголовная ответственность полностью не реализована.

Хотя следует согласиться, что если деятельность государственных органов не была направлена на конкретное лицо (например, лицо, совершившее преступление, не было обнаружено), то есть государство не воспользовалось своим правом на применение к лицу негативных последствий за совершенное преступление, то уголовная ответственность останется нереализованной.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить следующее. С одной стороны, если ответственность представляет собой обязанность преступника дать отчет перед уполномоченными органами и претерпевание им негативного воздействия, то такая обязанность должна возникать в момент совершения преступником деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве наказуемого. С другой стороны, если ответственность представляет собой отношение, то момент ее возникновения должен быть связан с моментом начала взаимодействия преступника и государства, посредством уполномоченных органов.

Следует согласиться с мнением В. А. Лукьянова, который полагает, что эти два момента не противоречат друг другу. Момент начала отношения не обязательно связан с моментом непосредственного взаимодействия его сторон. Достаточно установить, что у сторон отношения возник комплекс взаимных прав и обязанностей по отношению друг к другу [17].

Подобной позиции придерживаются М. П. Карпушин и В. И. Курляндский: «Уголовное правоотношение мы вправе рассматривать в статике, когда виновный ставится законом в положение обязанного дать отчет, и в динамике, — когда он понуждается к реализации этой обязанности, то есть действительно отвечает за содеянное» [18].

Таким образом, возникая с момента совершения преступления, уголовная ответственность как правоотношение развивается и реализуется затем в установленных формах. Поскольку все формы уголовной ответственности применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступлений, то логично предположить, что реализация уголовной ответственности осуществляется с момента вынесения приговора, в котором и определяется конкретная форма реализации ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарбагаев А. Н. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 61–63.
2. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 3. М., 1970. С. 8–12.

3. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 15.
4. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М.: Юрид. лит-ра, 1965. С. 4.
5. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 29.
6. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 30.
7. Белов М. Н. Правоотношения в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 9.
8. Тарбагаев А. Н. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 61–63.
9. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 66–69.
10. Ткачевский Ю. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38–39.
11. Тарбагаев А. Н. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 61–63.
12. Ретюнских И. С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989. С. 114.
13. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. С. 39.
14. Бойцов А. И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 72.
15. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 3. М., 1970. С. 8–12.
16. Трухин А. Понятие и виды уголовной ответственности // Уголовное право. 2000. № 7. С. 15.
17. Лукьянов В. А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: Автореф ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 21.
18. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 29.

Надежда Ивановна КРАСНОЯРОВА —
доцент кафедры международного права
Института государства и права ТюмГУ,
кандидат юридических наук

УДК 341. 96:339

УСЛОВИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ КОНТРАКТОВ О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается юридическая техника изложения условий внешнеторговых контрактов о применимом праве.

The author considers how the conditions of foreign trade contracts on the implemented law should be presented from the point of view of legal accuracy.

Вопрос о достижении точных формулировок контракта о применимом праве остается актуальным для субъектов внешнеэкономической деятельности, так как в практике российских государственных арбитражных судов, иностранных государственных судов и в практике Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ (МКАС), зарубежных коммерческих арбитражей он признается узловым.